

Н. Козлова

ПОСТАВЛЕН ВОПРОС О СЧАСТЬЕ

1

В апреле 1960 года издательство «Эдитер франсе реюни» подготовило к выпуску новый роман Андре Стиля «Обвал»*. Но в продажу книга не поступила. В числе других произведений о «грязной войне» в Алжире «Обвал» был конфискован полицией.

Полтора месяца шла упорная борьба за снятие запрета, наложенного цензурой. Наконец книга поступила в продажу.

Кое у кого из многочисленных читателей «Обвала» возникло недоумение: почему эту книгу пытались запретить? Ведь роман Стиля, казалось бы, не прибавлял почти никаких новых фактов, ничего нового к тем сообщениям о пытках, расстрелах, карательных экспедициях в Северной Африке, которые уже проникли во французскую печать.

И действительно, «Обвал» не содержит сенсационных разоблачений. Тем не менее французская цензура, стоящая на страже интересов правящих кругов, не ошиблась, оценив книгу как чувствительный удар по реакционной политике колониализма. Источник обличительной силы романа — не в открытии новых, неизвестных фактов, не в поименном перечислении преступников. Роман вызывает не мгновенную вспышку возмущения, а серьезное раздумье, стремление

взвесить и всесторонне выверить свой протест против «грязной войны».

Стиль раскрывает варварство современного колониализма, его губительность для самой Франции, дав читателю заглянуть в душу простого француза, юноши, брошенного в пекло войны, показав трагедию его соучастия в преступлениях колониалистов. Что еще кроме позора и крестов на солдатских могилах принесла Франции бесславная война в Алжире? Что она может принести французскому народу завтра? Таковы вопросы, неизбежно встающие перед читателем романа.

При всей своей жгучей злободневности книга Стиля — не начало, а продолжение того разговора, который начат им уже более пяти лет назад. «Обвал» — новая часть большого, рассчитанного автором на много лет работы цикла под общим названием «Поставлен вопрос о счастье».

Сама правомерность постановки вопроса о счастье человека или, во всяком случае, своевременность его постановки могут показаться в условиях сегодняшней Франции, по меньшей мере, спорными. Можно ли сейчас, когда страна, весь французский народ переживают такие трудности, ставить вопрос о праве и возможности человека быть счастливым? Не делает ли в конечном итоге решение автора неизбежной одну из двух крайностей — признание права на эгоистическое самоутверждение или же новые

* На русском языке роман Андре Стиля «Обвал» опубликован в журнале «Иностранная литература», №№ 4 и 5 за 1961 год.

прекраснодушные, но не менее несбыточные, чем старые, утопии? Буржуазная литература и литература социалистического реализма дают на это два различных ответа. И прежде всего потому, что исходят из двух резко противоположных концепций человеческого счастья.

Весь опыт литературы новейшего времени убеждает, что любые попытки решить вопрос о большом, подлинном человеческом счастье в рамках индивидуально обособленной судьбы — тщетны. Они неизбежно приводят в одних случаях к открытому прославлению хищнического эгоцентризма, в других — к поискам утешительных компромиссов в области «открытия» так называемых «абсолютных ценностей». Чаще же всего они ведут в темное царство изломанных душ, утраченных иллюзий, обманутых надежд. И не случайно буржуазная литература последнего времени так часто вообще отказывается от обращения к вопросу о поисках путей к человеческому счастью, на который у нее есть только негативные ответы.

Но писателю борющегося пролетариата есть что сказать по этому вопросу. Литература социалистического реализма, по глубокому замечанию Горького, утверждающая «бытие как деяние» и строящая свою эстетику как отражение «эпического героизма» трудовых масс, не отступает перед трудностями эпохи от своего утверждения права человека на счастье, не отказывается от борьбы за него. Она не преуменьшает суровости и сложности этой борьбы, но убеждает, что такая борьба плодотворна.

Место Андре Стиля в ряду лучших мастеров литературы социалистического реализма во Франции определяется тем, что главной темой всего его творчества стал французский рабочий, жизнь и борьба пролетариата Франции. Отсюда особенности и общей проблематики всего цикла «Поставлен вопрос о счастье», и включения в цикл частей, посвященных войне в Алжире.

«Я верю в будущее, в завтрашнюю политическую ситуацию», — эти слова были сказаны Стилем в интервью по поводу его цикла в 1956 году, когда уже шли кровопролитные бои в Северной Африке. Но обращение к вышедшей в том же году книге цикла, сборнику новелл «Египетский хлеб», подтверждает: уверенность писателя — это не упование на благоприятное сте-

чение обстоятельств в международной обстановке, она основана на его глубоком знании людей, о которых он пишет, на его непоколебимой вере в них.

2

Герои цикла живут в рабочем поселке на севере Франции. В тех краях большая часть жизни рабочего проходит в вечном мраке шахты либо в ослепительных отвесах плавок у сталеплавильных печей. Тяжелый труд. Постоянная борьба за человеческие условия жизни, за хлеб насущный, за безопасность на производстве. Здесь вопрос о праве на личное счастье сейчас же заставляет вспомнить об участи стариков, обреченных на полуголодное существование, о детях, которым скупо отмерян каждый глоток молока, каждый кусок хлеба. Но суровость жизни отнюдь не означает, что голос совести и чувство классовой солидарности требуют от человека отречения от личного счастья. Надо только, говорит писатель, найти верный путь к нему — чтобы не поступиться ради него общими интересами. Сама жизнь подтверждает вывод одного из молодых героев Стиля — коммуниста Эме, — что не перемена профессии, не поиски лучшего заработка, а борьба за коренное переустройство жизни — верный путь к счастью.

Борьба за будущее... Ни в одной из книг цикла «Поставлен вопрос о счастье» нет прямого показа деятельности коммунистических ячеек. Но Стиль умеет дать понять, как глубоко вошли в жизнь французского рабочего связь с партией, доверие к ней, привычка прислушиваться к коммунистам. Особенно важна в плане раскрытия этого явления одна из центральных новелл первой книги цикла, «Часы».

Старинные, луковкой, часы, семейная реликвия делегата рабочих во Всеобщей Конфедерации Труда Шарлеманя, стали как бы принадлежностью цеха. Идет ли ответственная плавка, близок ли час обеда, начинается ли спор с хозяином завода, неизменно звучит вопрос: «Сколько на твоих?» Весь цех живет буквально по часам Шарлеманя. А после провала забастовки во взгляде Шарлеманя на свои старые, никогда не ошибающиеся часы товарищи читают его веру в будущее.

Человек не имеет права уподобляться зерну, которое, прежде чем взойти, пролежало три тысячи лет в саркофаге. Эта мысль одноименной со сборником новеллы «Египетский хлеб» получает развитие в другой его новелле «Если тебе хочется». Герой первой, Эме, и второй, Леонс,— оба молодые рабочие со сталелитейного завода. Но если коммунисту Эме ясно, что его личное счастье не отделимо от борьбы всего рабочего класса, то Леонс далек от понимания этого непреложного закона.

Леонс недавно женился. Нежно любит жену. Не щадя себя, работает сверхурочно, чтобы освободить ее от необходимости слушать. Молодой рабочий отгоняет мысли о последствиях своего усердия, а они не замедлят сказаться, когда фирма начнет пересматривать нормы. Но, хотя Леонсу тяжело от косых иронических взглядов товарищей и благожелательности начальников, он упорствует. Вдумчиво исследуя сердца, поступки, сомнения молодых героев новеллы, автор ищет ответа на вопрос, прочно ли и истинно ли их счастье. И показывает: заботами Леонса Аньес выключена из повседневного существования рабочего поселка да, по существу, и из жизни мужа. С отчуждением от рабочей среды к Аньес приходят соблазны «красивого существования», рекламируемого витринами модных магазинов, кинофильмами из светской жизни. Не подозревая о том, Леонс сам подрубает свое счастье.

Исподволь, пока еще только намеченная, зарождается в новелле тема человека, теряющего чувство ответственности. Леонса еще не понесло под откос. Но он уже близок к этому. И Стиль показывает: чувство единства с товарищами в Леонсе заглушает не сама по себе его действительно большая и самоотверженная любовь к жене, а мещанское, чисто буржуазное представление о счастье как о праздном, не знающем забот существовании, которое он стремится обеспечить ей.

Таким образом, уже в сборнике «Египетский хлеб» Стиль подводит читателя к мысли, очень важной для понимания трагедий героев последующих книг цикла. Если в сознании простого рабочего человека появляется брешь и он слепо и бездумно отдается подхватывающему его потоку событий, то, утверждает Стиль, причины этого надо искать не в так называемых «вечных» и

будто бы надисторических, надклассовых свойствах человеческой души, а в другом: в философии и морали буржуазного общества, которое не только эксплуатирует рабочего, но и ежедневно и ежечасно старается отравить его своей идеологией, заразить своими пороками. И Стиль дает понять, что особенно остро этот вопрос встает для молодежи, характер и взгляды которой находятся еще в стадии становления.

3

Следующая часть цикла «Поставлен вопрос о счастье», роман «Мы будем любить друг друга завтра», вышел в 1957 году.

Само название этого романа, как и ряда других произведений Стиля, многозначно. В нем надежда на близкое разрешение тяжелого кризиса, возникшего в любовных отношениях юных героев. И в нем горечь многих молодых французов, для которых право на счастье, на любовь отодвинулось в неопределенное «завтра». Ведь тысячи таких, как герои романа Раймон и Анни, разлучены, и, может быть, навсегда, войной, которую Франция по воле горстки монополистов ведет против народа Алжира.

Вторая часть романа озаглавлена: «Упоминание о войне запрещено цензурой». Но в душе Раймона пережитое на войне поднимается само, не спрашивая разрешения цензуры, подстерегая на каждом шагу.

Раймон отказывался малевать на стенах домов арабов «Алжир — французский!», пытался уклоняться от участия в бою. И все же остаться в стороне оказалось невозможно при всей ненависти Раймона к «грязной войне», сочувствию противнику, уважении к его мужеству, делу, за которое тот сражается. Во время одного из боев Раймон, чтобы спасти товарища, решил слегка ранить алжирского стрелка. И тот попал в плен. Его сейчас же прикончили. «Если бы я не выстрелил,— говорит Раймон,— я бы мучился не меньше. Дюрье тоже должен был жить, он неглупый малый и во всем разбирается... Он тоже был металлистом... Война была ему ненавистна... Не зная друг друга и, вероятно, сами того не ведая, Дюрье и тот, другой, были одних и тех же взглядов... Но один из них должен был погибнуть, и в этом все дело... Преступление было predeterminedено...»

Преступление было предопределено, оно будет продолжаться, не только унося жизни, но и разрушая души людей, вынужденных стать его соучастниками. Такова трагедия Раймона и многих его сверстников. Конец ее наступит лишь тогда, когда, как говорит себе Раймон, «наши народы полюбят друг друга». И конечно в названии романа «Мы будем любить друг друга завтра» звучит также и ответ на важнейший для трудовой Франции вопрос об Алжире. Без уверенности в этом «завтра», которое наступит во взаимоотношениях французского и алжирского народов, для тысяч людей по обе стороны фронта немислима даже надежда на счастье, даже разговор о будущем! Особенно для молодежи.

Раймон на первых страницах романа еще очень молод, полон сил. Все в нем бродит, все не устоялось — и труд и любовь для него пока еще только большое обещание, и вся жизнь кажется широкой, прямой дорогой, по которой можно шагать, не опуская головы, смело глядя в будущее. Но Раймону и многим его сверстникам пришлось стать участниками алжирской войны, оставившей неизгладимый след в его душе: «Часто можно услышать, что эта война вырыла пропасть между народами Франции и Алжира. Она также вырыла пропасть между солдатами и их семьями. Но она роет пропасть и в самих солдатах», — эти авторские размышления как бы подводят итог мыслям героя, тяжелым, отчаянным. Раймону кажется: ему уже никогда не выпрямиться, не взглянуть в глаза людям. Но в этих муках совести, в суровом анализе, которому, не щадя себя, подвергает герой Стиля свои поступки, постепенно складывается и крепнет его характер. Именно так надо понимать слова Стиля о Раймоне — «он победит».

4

Об Алжире во Франции думают постоянно, неотступно. Написано немало книг, в которых прогрессивные писатели, журналисты или просто честные очевидцы разоблачают низкие преступления французской женщины, полиции, мракобесов «ультра». В этих книгах звучит голос демократической Франции, огромного большинства французов. Они требуют прекращения огня и

предоставления алжирцам возможности осуществить свое законное право на национальное самоопределение.

За последнее время во Франции начали появляться и художественные произведения, повествующие о том, какой отклик в сознании рядового француза находит алжирская трагедия.

В произведениях о войне в Алжире французским писателям не всегда удается правильно показать взаимоотношения французского и алжирского народов. Андре Вюрмсер, например, справедливо возражал против изображения французов (всех французов!) и алжирцев как двух ошетинившихся, монолитных в своей враждебности друг к другу лагерей. И Стиль, писатель социалистического реализма, хорошо понимает это.

Для обитателя рабочего поселка, где живут герои цикла Стиля «Поставлен вопрос о счастье», алжирец, работающий рядом, в шахте или на заводе, — не враг, а товарищ, перед которым стыдно за свою страну и даже за тех, кто против воли вынужден вести огонь в Северной Африке. Именно поэтому Раймон говорит себе: «Все время, пока я был в Алжире, мне казалось, что оккупирован мой родной поселок и что иноземные солдаты вваливаются в дом Анни... именно так и нужно представлять себе все, чтобы правильно понимать жизнь... и многие вопросы...» Этот вывод рабочего паренька — недавнего участника грязной колониальной войны — приобретает особое значение в свете событий весны 1961 года. Немало Раймонов поднялось в памятные апрельские дни, чтобы дать отпор фашистскому мятежу и потребовать справедливого мира с Алжиром. Для них алжирская трагедия, борьба за ее преодоление давно уже стали их собственной судьбой, их сражением на пути к счастью.

Примечательно, что в романе «Мы будем любить друг друга завтра» Стиль умеет сохранить ощущение масштаба истории, раскрывая внутренний мир своих героев. А именно такой угол зрения выбран в романе «Мы будем любить друг друга завтра» и в «Обвале».

Повествование в романе «Обвал» ведется поочередно от лица трех главных героев — матери и ее сыновей. Характер, судьба у них неодинаковы, и даже мысли сменяются с разной быстротой и интенсивностью: медлительные, нечеткие — у Анжелы, размерен-

ные, ясные — у Альбера, стремительные, сбивчивые — у Бернара... Но есть одна трагически постоянная точка скрещения их дум — Алжир, где воюет младший из Давэннов, Бернар.

С самого же начала Бернар, хотя он и стыдился участия в войне, сторонился активных карателей, по существу был равнодушен к происходящим у него на глазах преступлениям и внутренне не был подготовлен к отпору хитроумной, изобретательной пропаганде. Первого испытания — слуха о гибели товарища — оказалось достаточно, чтобы Бернар поддался на подстрекательство начальства и вызвался расстрелять пленного старика алжирца. То был поступок, неожиданный для самого юноши. Но теперь уже его «отметили», ему льстят, его искушают. Ему поручают охрану пленных. Он присутствует при пытках. Еще немного, и самого Бернара тоже захлестнет лавина всех этих преступлений.

Как случилось, что в семье шахтер-коммуниста, героя Сопротивления, чья память и через десять лет после его смерти жива в рабочем поселке, вырос юноша подобного склада? Этот вопрос — безусловно один из важнейших поставленных автором романа. И Стилль не спешит с ответом, как бы сам обдумывая его вместе со своими героями, не ставя точек над «и».

Из монологов матери постепенно вырисовывается детство Бернара — младшего сына в семье, рано потерявшей отца. Да, пожалуй, Анжела, замкнувшись во вдовьем горе, неприметно для себя противопоставила «Малыша» остальному миру и воспитала его эгоистом. Пожалуй, в семье слишком баловали сироту, не преодолевая дурного в характере ребенка, были излишне снисходительны к проступкам юноши. Но ведь и сам Бернар тоже не пытался выработать в себе стойкость и мужество — качества, которых ему как раз и не хватило в решающий момент. Во внутреннем монологе Бернара обнажается душа человека, которого влекут в пропасть пренебрежение к другим, бахвальство, ложная гордость и страх смерти. И слово «обвал» («когда все ползет, словно грунт, лишенный опоры») очень ярко характеризует его душевное состояние.

Бернар бывает циничен, склонен уступать любому своему влечению и не пытается задаваться вопросами о цели и смысле своего существования. Именно в силу особого

склада своего характера и взглядов на жизнь Бернар решает раньше срока призыва пойти в армию: он боится шахты, где десять лет назад погиб его отец, а другой работы не подвернулось. Правда, он не думал, что ему придется стать участником войны в Алжире — там более опасно, чем в шахте, а Бернар боится смерти. Но кровопролитные бои в Северной Африке начались, и молодой солдат стал их участником. Именно в это время ему приходится пережить величайшее «испытание на крепость». Бернар усвоил правило жить, не задумываясь, не контролируя себя. А он попадает в такие условия, где «плыть по течению» означает стать сообщником гнуснейших преступлений. Здесь ведь учитывают все — и нерасчетливую порывистость, и склонность противопоставить себя товарищам, и юношескую нетерпимость к их критике. Где же, казалось бы, взять ему силы для сопротивления?

Но жизнь человеческая сложнее, чем думают те, кто хотел бы превратить людей в послушных роботов их злой воли.

Стилль борется за человека в своем герое, проникая в самые сокровенные уголки его души. Но и здесь, в области тайных движений сердца, писатель социалистического реализма открывает отзвуки большого мира социальной борьбы. Раймон, герой романа «Мы будем любить друг друга завтра», чувствуя, как ему страшно, ощущая, что человечности его в самой ее основе нанесен этой войной удар, все же всеми силами защищается. И источник душевной силы Раймона, ясности его представлений о добре и зле надо искать в далеком рабочем поселке на севере Франции.

В романе «Обвал» перед нами человек с меньшим запасом сопротивления окружающему миру, не способный быть требовательным к себе, растерявшийся, смятенный. И все-таки даже в такой слабой душе нравственные представления рабочей среды оказываются опорой для сопротивления «обвалу». Именно потому, что он временами соизмеряет свои поступки с жизнью отца, возможными оценками близких, Бернар содрогается от ужаса, признается, что совершает подлость за подлостью. Но когда он забывает об этом, то равнодушно спокоен, совесть его дремлет.

Решающим моментом является приезд Бернара в отпуск, когда он, оказавшись сно-

ва среди родных и знакомых, каждую минуту ждет суда над собой, ждет их приговора. Шахтеры не привыкли много говорить. Кроме брата, никто не заводит и речи об Алжире. Но явное нежелание навестить отпускника, укоризненные взгляды, молчаливое ожидание его признаний красноречивее слов говорят, как нестерпима для обитателей поселка мысль, что один из «своих» уступил палачам. И, хотя Бернар упрямится, упорно избегает прямого честного разговора, он ощущает эту их непреклонность как твердую почву под ногами. Именно тогда возникла у него потребность попытаться пойти «против течения». Вернувшись на фронт, он сменил ружье на баранку шофера и поступками своими опроверг владевшую им ранее мысль, якобы «каждому своя шкура дорога». Бернар погиб, спасая раненых. «Он взял себя в руки. Он хотел искупить свою вину, — пишет семье Бернара его товарищ, — может быть, поэтому он и погиб».

Смерть Бернара — последний этап трагедии, причины которой не могут быть сведены только ко внешним обстоятельствам его судьбы, ибо и к моменту своей гибели юноша еще далек от осознания своей роли в этой войне, да и в жизни вообще.

Для Стиля, как мы знаем, не является новой тема человека, бездумно отдающего потока событий. Уже в первой части цикла «Поставлен вопрос о счастье» возник большой разговор о людях, замкнутых в узком мирке частных интересов, не пытающихся задуматься о своем общественном предназначении. Стиль показывал, что такая жизненная позиция отдаст человека во власть буржуазному мировоззрению. Эта мысль по-новому остро возникает в романе «Обвал», предостерегая против шовинистической, колониалистской идеологии. Причем Стиль обращается не только к людям типа Бернара, но и к тем, кто не остановил его, не воздействовал на него словом и примером.

В этой связи особенно важен образ Альбера. Старший брат Бернара — шахтер, как и погибший десять лет назад отец его, Фернан Давэн. Покладистый, спокойный малый. На отца Альбер не похож: от общественной жизни он далек, все свое внимание он отдает семье. Чтобы приработать, молодой шахтер взялся за разборку крепей: хозяева всегда лучше платят, когда ради экономии не соблюдают условий безопасности труда, а при

этой работе каждую минуту можно погибнуть под обвалом. Почему же именно после гибели брата Альбер отказался заниматься разборкой крепей? Потому что в его душу запали признания Бернара: «Постепенно мы ко всему привыкли... словно сами потеряли способность думать». Может быть, старший брат понял, что его собственная жизнь не всегда была хорошим примером младшему? Во всяком случае, в душе Альбера нарастает ощущение, что потерять себя можно не только на войне.

У читателя романа «Обвал» может возникнуть вопрос, почему Андре Стиль не показал в нем ощутимо силы активного протеста против войны в Алжире, те силы французского общества, которые сознательно и последовательно выступают против колониализма и его идеологии. Чем вызвано то обстоятельство, что писатель сосредоточил внимание на трагической судьбе такого человека, как Бернар? Чтобы понять это, надо помнить, что роман «Обвал» освещает сравнительно ранний период войны в Алжире, то время, когда движение протеста против нее не достигало еще размаха, который оно получило в наши дни. Андре Стиль берет самый трудный, самый сложный аспект проблемы. Он ставит во главу угла вопрос о влиянии, которое имеет на молодежь участие в «грязной войне», он борется против растления душ, против «гангрены», как это явление называют во Франции. И пока не прекратится огонь в Северной Африке, эта задача не перестает быть жгуче злободневной.

Географически алжирский фронт далек от рабочего городка, населенного шахтерами и сталеварами. Но приглядимся повнимательней — он придвинулся сюда вместе с судьбами их детей, насильственно вовлеченных в кровавую колониальную авантюру. И конечно, показывая на последних страницах романа комедию радиопередачи с фронта для родных, Стиль отнюдь не ограничивается разоблачением лицемерия командования, инсценирующего «благополучие» во французской армии. Этот эпизод, свидетельствующий о растерянности, ужасе, отчаянии, владеющих юношами солдатами на «грязной войне», — новый аргумент в пользу важнейшего для автора романа «Обвал» вывода о необходимости общенациональной борьбы за мир, не только во имя справедливости по отношению к другому народу, но

и ради своих сыновей, зажатых в тиски милитаристского механизма.

Уже написаны три части цикла «Поставлен вопрос о счастье», само название которого подтверждает уверенность Андре Стиля в светлом будущем французского народа. Можно ожидать от Андре Стиля новых произведений, изображающих битву за счастье всей трудовой Франции. Очевидно, появятся и новые герои, те борцы-коммунисты, на которых реакция изо дня в день

возводит клевету, стараясь оторвать от них широкие массы французского народа. И в этих книгах будут показаны противоречия и сложность реальной жизни. Но каковы бы ни были темы и проблемы, подсказанные историей, можно с уверенностью сказать, что залогом успехов Стиля будет всегда присущее ему стремление к той высшей художественной правде, которая, как некогда сказал Поль Элюар, помогает «понять и переделать мир».

